

То, что народ страдает от строительства, — бедствие временное. Но если первый принц навлечет на себя гнев Императора и даст тун-фэй возможность вставить палки в колеса, то страдания народа затянутся на всю жизнь. Первый принц хоть и был еще молод, но никогда не разочаровывал чиновников. Цинь Чжаосюань не понимал, почему тот на этот раз так твердо вознамерился отговорить Императора. Чтобы не дать первому принцу лично вмешиваться, ему оставалось лишь, стиснув зубы, самому лезть в эти мутные воды.

Он уже готовился к худшему: возможно, его избьют палками при дворе до инвалидности или покалечат, но Император не станет забивать его насмерть. Во-первых, он был священнослужителем из Астрономического управления, во-вторых, перед столь крупными работами существовал запрет — нельзя проливать кровь ради строительства. Считая, что тем самым сохраняет для народа будущего мудрого правителя, Цинь Чжаосюань спокойно ждал наказания у себя дома, полностью прервав всю переписку с первым принцем.

*

В Восточном дворце первый принц сидел как на иголках. Вечер конца лета не был душным, да и в зале стояли открытые чаши со льдом, но капли пота у него на лбу непрестанно скатывались по щекам и кончику носа. Его обычно опрятное темно-бордовое повседневное одеяние с черным узором на спине насквозь промокло от пота. Дворцовые служанки изо всех сил махали веерами из пальмовых листьев, даже не подозревая, что руки и ноги первого принца сейчас были холодны как лед.

Цяо Сун в это время должен был докладывать Императору результаты наблюдений. Хотя он и не примыкал к фракции первого принца, но и другой покровительственной опоры не имел, так что по логике вещей не осмелился бы обидеть Цинь Чжаосюаня. Доклад Цяо Суна наверняка не дерзнет пойти против воли Его Величества, так что сумеет ли он сгладить углы и не нажить врагов с обеих сторон — зависело только от его умения. Первый принц больше всего боялся, что у того не хватит ума и он подумает только об угодничестве перед отцом-императором.

Солнце постепенно скрылось за западными горами, одно за другим зажглись дворцовые фонари. Наконец какой-то евнух бесшумно толкнул дверь, вошел с вестью и передал первому принцу доклад Цяо Суна слово в слово.

Первый принц прикрыл глаза, медленно опустился на стул возле чайного столика и глубоко вздохнул.

Все вышло примерно так, как он и предполагал.

Цяо Сун заявил, что его первоначальное гадание совпало с выводами господина Циня, однако позже он случайно обнаружил, что во время остановки планеты Инхо на парадной орбите не хватало одной звезды, из-за чего в расчетах закралась ошибка. Вывод: это небесное знамение вовсе не сулит страшного бедствия, господин Цинь просто оступился по недосмотру, так что Шуский тракт строить можно. Сказать так — означало, во-первых, найти оправдание «ошибке» господина Циня и намекнуть, что тот действовал без чьей-либо указки, а во-вторых, угодить Императору, то есть обойтись без обид для обеих сторон. Цяо Сун выгородил себя и лишь надеялся, что Император не станет привлекать Цинь Чжаосюаня к ответственности.

Однако на следующий день в три четверти часа Сы лазутчик принес весть: Император приказал схватить Цинь Чжаосюаня и всыпать ему двадцать палок при дворе.

Прежде чем господина Циня повели к Полуденным воротам, случилось то, о неслучении чего молились все чиновники: первый принц отправился в Зал Воспитания Разума просить за Цинь

Чжаосюаня.

Первый принц сделал вид, будто лишь только что прознал о попытке Цинь Чжаосюаня отговорить Императора от постройки Шуского тракта, а причину для заступничества выдвинул такую: «Перед началом столь великого строительства не следует бить палками священнослужителя Астрономического управления».

Император всё молчал. Когда его старший сын закончил говорить, он поднял голову, окинул первого принца острым, как у орла, косым взглядом и холодно ухмыльнулся.

Мелкий пот на висках первого принца медленно стекал вниз, но лицо его по-прежнему выражало невозмутимость; он опустил глаза и наклонил голову.

— Цзиньань, я только и слышу от Чуншаня, что ты чрезмерно суров с ним, — сказал Император, преподнеся тайную жалобу третьего принца словно шутку. — Но я считаю, что ты воспитываешь его правильно. Этому мальчишке нужна твердая рука, и тебе, как старшему брату, подобает вести себя именно так, как подобает старшему брату.

— Благодарю отца-императора за понимание, — сложил руки в приветствии первый принц.

— А теперь что же получается? Из-за моего попустительства твое желание распоряжаться всем и вся на свете совсем распоясалось? Хм, сын берется учить отца... — Император опустил обратно за драконий стол, прижал правый кулак к стопке докладов, вскинул взор на первого принца и тихо, но сурово произнес: — Бунт устроить решил?

Первый принц подхватил полы одеяния и поспешно пал на колени:

— Отец-император, смените гнев на милость! Ваш покорный слуга лишь опасается, что нарушение запрета перед началом работ разойдется слухами и нарушит порядок в Ведомстве работ!

*

Вчера Лу Цзыяо отдал последнюю коробку молока «Ванцзай», и теперь его запасы действительно подошли к концу.

«Старый отец» был не в силах выносить сверкающий ожиданием взгляд пухлого малыша.

Раньше он думал, что когда молоко «Ванцзай» закончится, он просто купит обычное коровье молоко и смешает его с тростниковым сахаром — пусть вкус и будет немного отличаться, но сойдет за замену.

Однако вчера вечером, прогулявшись по базарным улицам, он обнаружил, что у простых жителей столицы почти нет привычки пить коровье молоко — все пьют в основном чай. На обычных рынках молока было днем с огнем не сыскать, а те семьи, что держали скот для себя, не продавали его чужим.

Во дворце, конечно, имелись молочные коровы, но и их молоко использовали редко.

В древности венценосные особы предпочитали женское грудное молоко, считая его более питательным, чем коровье. Кормилиц держали куда больше, чем коров.

Неудивительно, что пухлому малышу так нравилось молоко «Ванцзай»! Вкус грудного молока

преснее, чем коровьего, и даже если добавить сахара, оно ни за что не сравнится с насыщенным вкусом «Ванцзай».

Лу Цзыяо обновлял ассортимент магазина трижды в день, но молоко «Ванцзай» больше не появлялось.

Единственный раз ему попался питьевой йогурт «Мэнню», и поскольку порция была приличной, а цена выгодной, он выкупил его.

Вот только седьмой принц не оценил вкус йогурта: сделав один глоток, он отвернул свою пухлую мордочку, словно булочку, и категорически отказался пить дальше, так что Лу Цзыяо пришлось допивать самому.

И вот прямо сейчас Лу Цзыяо стоял перед магазином продуктов, готовясь использовать последнюю попытку обновления.

Сложив ладони вместе, он трижды про себя прошептал: «Молоко „Ванцзай“», и нажал на кнопку...

Опять никакого молока «Ванцзай»!

Лу Цзыяо окончательно пал духом.

Он поднял взгляд и кликнул по разделу второго уровня продуктового магазина, но интерфейс снова выдал условия разблокировки: требуется 150 очков искупления, а также выполнение основного квеста по пробитию каналов Жэнь и Ду.

Безысходность.

Лу Цзыяо тоскливо посмотрел на остаток очков искупления в правом нижнем углу: 47.

И не сдержал вздоха бедняка.

И как раз в этот момент в духовном пространстве оглушительно завывала сирена!

[Уведомление системы: Носитель вмешался в сюжетную линию, что привело к ранению праведного чиновника Цинь Чжаосюаня. В соответствии со степенью тяжести травмы и долей ответственности с носителя списывается 12 очков искупления. Пожалуйста, продолжайте стараться.]

Лу Цзыяо: «???»

Кто ранен? Какой еще Цинь? Он вообще без понятия, кто это такой! Что за дурацкая система!

Опустив взгляд, он увидел, что очков искупления осталось всего 35.

Сердце Лу Цзыяо сжала такая боль, что стало трудно дышать: он столько дней экономил на всем и ни разу не тратил такую огромную сумму за один раз!

Лишь спустя долгое время ему удалось взять себя в руки. Поразмыслив, он подумал: если пострадал какой-то незнакомый чиновник, не случилось ли что-то на стороне первого принца?

У Лу Цзыяо пропала всякая охота разглядывать товары. Сгорая от тревоги, он дождался следующего дня, намереваясь после занятий отправиться во дворец Цинцун за новостями.

Но дурные вести настигли его прямо в учебной палате.

Пятый принц обмолвился, что его старшего брата вчера отец-император посадил под домашний арест на целый месяц без права выходить наружу.

Наказание первого принца Императором было беспрецедентным событием.

Сердце Лу Цзыяо моментально ушло в пятки. Чтобы выведать подробности, ему оставалось только аккуратно вытягивать сведения из пятого принца.

Откуда девятилетнему ребенку знать точно, какая произошла беда? Пятый принц лишь твердил, что отец-император в последнее время ходит сам не свой и в дурном расположении духа.

Все трое маленьких принцев ужасно боялись отца-императора, поэтому уселись в ряд и принялись наперебой гадать, чем навлекли на себя монарший гнев.

Пятый принц удрученно произнес:

— Позавчера наставник отобрал несколько наших прописей и отнес на просмотр отцу-императору... Может, отец-император счел, что мы пишем слишком уродливо?

Шестой принц виновато сжал плечи:

— У пятого брата каллиграфия прекрасная, а мне до него далеко... Это точно я расстроил отца-императора.

Пятый принц повернулся и похлопал шестого брата по плечу:

— Твой почерк за последний месяц заметно улучшился, так что дело наверняка не в тебе.

Седьмой принц поднял свою пухлую ручонку, подражая братьям, похлопал шестого брата и с глубоким чувством личной неприязни вынес вердикт:

— Это третий брат.

Лу Цзыяо: «...»

Ваше Высочество, уродливее всех иероглифы выходят как раз у вас!

Очнись, пухляш!

Маленьким принцам было не до игр, они продолжали сидеть в беседке и обсуждать отца-императора.

Седьмому принцу редко удавалось вставить слово, поэтому Лу Цзыяо увел его в маленький сад ловить бабочек.

Они отдыхали в тени деревьев возле каменного стола, и Лу Цзыяо снова принялся тыкать пухлого малыша в животик.

Он упорно занимался этим вот уже два дня подряд.

В оригинальном романе каналы Жэнь и Ду седьмого принца открылись после удара ногой на

полдуйма ниже пупка. Лу Цзыяо тыкал именно в это место, но не смел действовать чересчур сильно.

Пухлый малыш привык, что его постоянно тискают и щупают за мягкие бока, поэтому не заметил ничего странного в поведении своего глуповатого Лу Цзыяо.

Ваше Высочество увлеченно грыз молочную сладость, как вдруг неожиданно поперхнулся и выплюнул изо рта молочную пену.

Лу Цзыяо поспешно отдернул свою грешную лапу, достал платок и отер рот пухлому малышу:

— Ваше Высочество, вы в порядке?

Седьмой принц с недоуменным видом поднял на него взгляд, почесал левой ручкой защекотанный животик и с запозданием рассердился. Он взбрыкнул пухлыми ножками, запрокинул головку и всем видом показал глуповатому Лу Цзыяо: щипай за щечки, а не за пузо, животу неприятно!

Стоило после этого снова ткнуть его в животик, как пухлый малыш начинал угрожающе ворчать, так что Лу Цзыяо пришлось отступить.

Вот только то, как он едва не довел седьмого принца до тошноты, успел подсмотреть тайком сопровождавший их маленький евнух — и тут же побежал докладывать старшей дворцовой служанке принца.

<http://bllate.org/book/18379/1766870>